

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
КОРОЛЕВЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТРИГИ

Анны Даниловой

Когда меня не стало
Крылья страха
Выхожу тебя искать
Волчья ягода
Мне давно хотелось убить
Саван для блудниц
Черное платье на десерт
Девушка по вызову
Рукопись, написанная кровью
Парик для дамы пик
Пикник на красной траве
Шоколадный паж
Роспись по телу
Этюд в розовых тонах
Последняя защита адвоката, или Плюшевый свидетель
Услуги особого рода
Яд Фаберже
Комната смеха
Мальтийский апельсин
Виртуальный муж
Японская молитва
Цветы абсолютного зла
Страна кривого зазеркалья
Платиновая леди
Танцующая на волнах
Свергнутая с небес
Гламурная невинность
Древний инстинкт
Женщина-ветер
Нирвана с привкусом яда
Правда о первой ночи
Дама из Амстердама
Игры с темным прошлым
Властелин на час
Белоснежный лайнер в другую жизнь
Бронзовое облако
Самый близкий демон
Первая жена Иуды
Delete
Хроники Розмари
Солнце в ночном небе
Ледяное ложе для брачной ночи
Подарок от злого сердца
День без любви
Печальная принцесса
Призрак Монро

Персиковый мед Матильды
Издержки богемной жизни
Вспомни обо мне
Красное на голубом
Сердце химеры
Госпожа Кофе
Дождь тигровых орхидей
Миф Коко Банча
Одинокие ночи вдвоем
Алый шар луны
Черника на снегу
Девять жизней Греты
Смерть отключает телефон
Шестой грех
Меня зовут Джейн
Звезды-свидетели
Витамин любви
Две линии судьбы
Когда остановится сердце
Призраки знают все
Аромат желания
За спиной – двери в ад
Тайная любовь Копперфильда
Любовница не по карману
Красивая, богатая, мертвая...
Пожиратели таланта
Черный пасодобль
Серебряная пуля в сердце
Незнакомка до востребования
Ангел в яблоневом саду
Из жизни жен и любовниц
Тринадцатая гостья
Прекрасный возраст, чтобы умереть
Приговоренный к жизни
Признания грешницы
Дом на берегу ночи
Ведьма с зелеными глазами
Пленница чужих иллюзий
Девушка, не умеющая ненавидеть
Цветок предательства
Мишень для темного ангела
Грех и немножко нежно
Если можешь – прости
Убийство в соль минор
Уставшая от любви
Плата за роль Джульетты
Одно преступное одиночество
Слезинка в янтаре
Проклятие Клеопатры
Сколько живут донжуаны
Последняя защита адвоката

АННА ДАНИЛОВА

Последняя защита адвоката

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Оформление серии *С. Прохоровой*

Данилова, Анна Васильевна.
Д18 Последняя защита адвоката / Анна Данилова. — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-094499-6

Ее приговорили к беде, и только он может исправить роковую ошибку... Вера Боровская ни в чем не виновата! Она готова кричать об этом на всех углах. Однако вот они, улики, подтверждающие обратное, — пистолет в ящике для белья, блокнот с компрометирующими записями, фотография, на которой изображена Вера с убитым психотерапевтом... Но Вера знает: у нее есть самый лучший адвокат. Он спасет ее и всегда будет любить. Пока же все против Веры, улики накапливаются — вскоре становится очевидным, что ее явно подставляют. И похоже, это кто-то из самых близких ей людей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094499-6

© Данилова А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ИЗ ДНЕВНИКА ***

«Они ее не нашли. Искали баграми, вызывали водолазов. На это ушло несколько дней, и все безрезультатно. Она погибла. Ее унесло течением, и теперь мне каждую ночь снятся кошмары. Я вижу, как она поднимается из воды, опутанная зелеными водорослями, и улыбается мне синими губами. А из глазниц торчат клешни раков. Но я знаю, что это она, потому что у нее длинные волосы и клетчатое платье. Это я сшила ей это платье, когда она собралась выходить замуж. Я так ей и сказала: теперь у тебя будет мужчина, а это значит, что тебе надо всегда хорошо выглядеть. Я объяснила ей, что ей очень идет розовая помада, именно розовая, а не красная. Потому что красная — это для вечера, иначе будет смотреться вульгарно. Но теперь-то ей все равно, каким цветом красить губы, потому что нет ни губ, ни прекрасных волос, ничего... Разве что на самом дне реки догнивают клочья ее клетчатого платья, сшитого

моими руками. Что я испытывала, когда шила его? Зависть? Нет. Скорее меня мучили сомнения, будет ли она счастлива в этом браке? И на самом ли деле любит она этого мужчину или ей просто хочется что-то изменить в своей жизни и выйти замуж? Возможно, ей надоело жить со мной. Ведь я — ее старшая сестра. Она выходит замуж, говорила я себе, значит, она уходит к мужу, она бросает меня, и мне теперь придется учиться жить одной. Вот о чем я думала, когда шила клетчатое платье. Я представляла себе, как она надевает его утром под жадным мужским взглядом, и плакала оттого, что теперь кто-то другой будет владеть ею безраздельно, как до этого времени владела я. Ведь она была моей младшей сестричкой, и я ее очень любила. И люблю до сих пор. Она взбалмошная, много хохочет, веселая, жизнерадостная, и у нее румянец во всю щеку. Она не понимает, говорила я себе, что замужество не всегда равносильно счастью. Но ей уже пора испытать на себе мужскую ласку, ей уже восемнадцать лет, и ей хочется любви. Вот и испытала. Ночь любви на острове и холодные объятия черной речной воды. Ее нет. Ее так и не нашли. Но я знаю, что ее скоро найдут. Рано или поздно ее вынесет течением».

Глава 1

ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ СТЕНЫ

— Меня зовут Вера. Я думаю, можно пока без фамилии... Меня к вам прислала Августа. Как вы понимаете, мне немного не по себе, потому что мы с вами совершенно незнакомы. Но, с другой стороны, при других обстоятельствах я никогда бы не стала рассказывать вам о себе. Я вот сейчас говорю с вами, но не уверена, что уже через минуту не встану и не уйду... Вот так-то вот. Однако вы специалист, другими словами, доктор, поэтому я просто вынуждена ради себя же самой раздеться перед вами. Раздеться душой, разумеется...

Разговор происходил в городском парке в солнечный апрельский день. Вера Боровская пришла сюда на встречу с психотерапевтом, и только она одна знала, скольких усилий ей это стоило и какая внутренняя борьба происходила в ее душе, когда она собиралась на эту встречу. Но лицо доктора Нагаева понравилось ей сразу. Быть может, поэтому она, присев рядом с ним на скамейку, сразу же приступила к делу и решила без предваритель-

ных дежурных фраз изложить ему всю свою боль. В бумажнике, который покоился на самом дне ее старой, но все еще отлично сохранившейся черной кожаной сумочки, лежали первые двести рублей, которые она отдаст этому «магу Нагаеву», как любила называть его Августа.

Августа считалась хорошей приятельницей (*Она мне не подруга, нет, но слово «приятельница» звучит как-то холодно-то, отчужденно; мне жаль ее*) Веры и на протяжении многих лет следила за развивающимися отношениями между супругами Боровскими. Пока в семье не разразилась драма, суть которой заключалась в том, что муж Веры, Илья Боровский, привел в дом другую женщину и вот уже которую неделю жил с ней вместе, совершенно игнорируя присутствие в квартире законной жены.

Солнечный блик упал на черную прядь волос на голове доктора Нагаева, а в воздухе произошло какое-то движение. *«Это ветер, — подумала Вера, — это ветер... Что-то холодно стало. Спина мерзнет. И душа. Зачем я сюда вообще пришла?»* Де-

ревья с распускающимися почками стали расплываться перед глазами в какой-то зеленоватой дымке: Вера плакала. От бессилья и от самой ситуации, унижительной до предела, как ей казалось. Она пришла к доктору, чтобы пожаловаться ему на мужа, который привел в дом другую женщину. Пошлее сюжета не придумаешь.

Но, на ее счастье, Ренат Атаевич оказался не таким эмоциональным, а потому в ответ на ее слова лишь медленно повернул голову в ее сторону и внимательно посмотрел ей в глаза. Вере показалось, что он пытается прочесть ее истинные мысли, и от этого ей стало еще хуже. *Может, он хочет загипнотизировать меня?*

— Я вижу, вам плохо, — услышала она приятный низкий баритон. — Так что же конкретно с вами случилось?

— У меня был муж. Я говорю «был», потому что мужчина, который сейчас живет со мной в одной квартире, уже больше не является мне мужем. Хотя официально он, конечно, мой муж, Илья... Вы извините, что я повторяюсь. Я сильно нервничаю. Он однажды сказал мне: «Вера, ты стала другой, я не узнаю тебя. Где та женщина, которую я так любил?» Я ответила ему, что я не изменилась, что изменился

мир вокруг меня. Люди стали злее, они ненавидят меня, не хотят меня...

— В каком смысле? — перебил ее доктор Нагаев.

— Я потеряла работу... — и Вера беспомощно принялась тереть край своей шелковой косынки. — А когда денег нет, чувствуешь себя скверно. Мы перешли на макароны, я поправилась... Я понимаю, что это не оправдание, но, наверное, мой муж прав, а я веду себя по-идиотски... Вы извините меня, мне надо идти...

И Вера вдруг резко, импульсивно рванулась со своего места. Но твердая мужская рука успела схватить ее руку и прижать к сухому и теплomu дереву скамейки. Ей показалось, что она за то время, что сидит здесь, рядом с этим всезнающим и самодостаточным человеком (каковыми в ее глазах были все психотерапевты), расплылась еще больше и что волосы ее растрепались от ветра и стоят дыбом, что тушь размазалась вокруг глаз и помада побледнела, да и вся она сейчас походит на старуху.

— Как вас зовут? — спросил доктор Нагаев.

— Вера, — устало проговорила она и закрыла глаза, не в силах вынести яркого

солнца и такого же яркого, сильного и испепеляющего взгляда. — Это было ошибкой.

— Что именно?

— То, что я пришла сюда. И замужество тоже было ошибкой.

— Вера, хотите кофе?

Она удивилась. Но потом сочла это предложение как нельзя более кстати. Здесь, в парке, под слепящим весенним солнцем, она казалась себе очень уязвимой. Тут на нее смотрели деревья, раскинувшийся у ног пруд с утками, галдящие и словно только что проснувшиеся от зимней спячки громкоголосые дети со своими нянями и мамашами, скучающий фотограф, сидящий на скамейке в обнимку с огромным розовым плюшевым слоном, зеленые старые беседки, облака, наконец. И ей казалось, что все они уже посвящены в ее трагедию. А в кафе, непременно полутемном и тихом, в ее глаза заглянет, в лучшем случае, лишь маленькая чашка с кофе. Не считая испытующего и умного (быть может, еще и сочувствующего) взгляда доктора Нагаева.

Я схожу с ума. Что такое лезет мне в голову?

Она покорно последовала за доктором,

моля бога лишь об одном — чтобы это кафе оказалось совсем близко от парка. Она была не в силах долго идти. Ноги подкашивались, да и тело не слушалось ее, словно было чужое.

...Тот день она всегда будет помнить смутно. Весенний воздух, сладковатый и пьянящий на вкус, замешанный на аромате пробуждающихся деревьев, ворвался в распахнутое окно тихой квартиры, куда привел ее доктор Нагаев, и закружил ей голову. Она так и не вспомнит, какой они пили кофе: растворимый или нет, с нежным запахом ирландского ликера или это была просто крепкая и душистая «арабика». Доктор Нагаев помог ей освободиться от длинного, чрезмерно шуршащего плаща, поиграл, помахав, переливающейся на солнце шелковой зеленовато-голубой косынкой и нагнулся, чтобы снять с нее запыленные коричневые туфли. Вера двигалась, словно кто-то управлял ею. *Гипноз*, вдруг неожиданно весело решила она. Все, что происходило с ней, казалось фрагментами какого-то очень далекого, туманящегося в памяти сна.

— Вам с сахаром или без?

— С сахаром, — отвечала она, ступая

ногами в чулках по желтому блестящему паркету, на котором не было ни пылинки. — Кто же это кофе пьет без сахара?

Она нервно рассмеялась.

— У меня есть печенье. Ореховое.

Но вкуса орехового печенья она тоже не успела распробовать. Ее губы ощутили мягкое и горячее прикосновение чужих, неизведанных ею губ — Нагаев целовал ее. Долго и страстно, прижав к стене в гостиной. Под его жадными и ласковыми, бесстыдными и решительными руками ее тело уже не казалось ей таким большим, как еще час тому назад. А когда она открыла глаза, то поняла, что уже не принадлежит себе. Ворох ее одежды темным пятном маячил на ковре в спальне. Кровать неистово скрипела под их телами. Вера постанывала, а потом закричала и с силой вцепилась в простыню, как если бы это могло помочь ей освободиться от переливающейся через край энергии, переливающегося через край счастья.

Она выскочила из квартиры доктора Нагаева, застегиваясь на ходу. Теперь она отлично ощущала свое тело, ставшее необычайно легким и воздушным. Плащ казался невесомым, косынка бирюзовой ба-

бочкой трепетала на груди. Вера почти бежала по улице, вдыхая полной грудью посвежевший к вечеру воздух, и пришла в себя только в своем дворе, где села на скамейку, чтобы отдышаться. В голове ее не было ни единой мысли. А вот тело, словно вырвавшись на свободу, казалось обнаженным, открытым постороннему взгляду. Она вновь почувствовала себя той Верой, которой была несколько лет тому назад, которой так восхищался тогда ее Илья.

Она не хотела реально оценивать то, что произошло сейчас с ней в квартире доктора. Она наслаждалась полным покоем, удовлетворением и даже любовью. Он любил ее, этот удивительный доктор. Пусть всего лишь один час, но это были незабываемые мгновения. Ей было так хорошо, что она на какое-то время забыла, что сидит во дворе собственного дома, где рядом, буквально в нескольких метрах от нее, в ее собственной кухне, возможно, варит суп молоденькая сучка по имени Марина. Любовница Ильи.

Шли минуты, миновал час, а Вера, оглушенная, все еще продолжала пребывать в том блаженном оцепенении, в которое ее погрузил доктор Нагаев. Когда же на-

конец стемнело, она почувствовала, что замерзает. И вот тут реальность поглотила ее с головой. Как ледяная, выстуженная пасмурным днем морская волна. Вера медленно подняла голову, чтобы увидеть окна своей квартиры, и сердце ее при этом сжалось: все три окна светились. Значит, *эти двое* уже дома. Возможно, они даже прошли мимо, не заметив ее, сидящую на скамейке. Вера обняла себя за плечи и съезжилась от безысходности. Она не знала, куда ей идти и как ей вообще дальше жить. Что ей делать там, в том доме, где уже семь дней пахнет чужими духами и чужим супом? Чужим мужчиной, наконец?

Она устала анализировать свою жизнь, чтобы ответить себе на вопрос: как могло такое случиться, что ее муж Илья, человек серьезный, цельный и, как ей всегда казалось, любящий ее, вдруг объявил ей о том, что начинает новую жизнь с новой для него женщиной? Больше того, он привел эту женщину прямо домой и поселил ее в своем кабинете, быстро, буквально за несколько часов, переустроив его в супружескую (уже вторую) спальню.

Марине было двадцать два года. Высокая стройная брюнетка с безразличным спокойным лицом, молчаливыми, скры-